

РУСЛАН ЭДЕЛЬГЕРИЕВ: **«МЫ РАССЧИТЫВАЕМ НА ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТЫ ПО СОГЛАСОВАНИЮ «ПРАВИЛ ИГРЫ» ПО ПАРИЖСКОМУ СОГЛАШЕНИЮ»**

В преддверии климатического саммита ООН в Глазго «Нефтегазовая вертикаль» взяла эксклюзивное интервью у советника и специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам климата Руслана ЭДЕЛЬГЕРИЕВА.

НГВ: Минэкономразвития РФ разработало четыре сценария стратегии развития с низким уровнем выбросов парниковых газов. В чем их различие? По какой траектории низкоуглеродного развития предстоит пойти нашей стране? С какими вызовами и возможностями будет сопряжено это движение?

Р. Эдельгериев: Вопрос чрезвычайно важный – возможно, самый важный в контексте национальной климатической политики – однако ответ на него еще только предстоит найти в ближайшие недели и месяцы, когда упомянутая стратегия будет, наконец, утверждена. Если взять августовский проект стратегии с четырьмя сценариями, то основное различие между ними касается мер, которые будут предприниматься для сокращения выбросов и увеличения поглощения парниковых газов. По мере движения от самого слабого «инерционного» сценария к самому сильному «агрессивному» возрастает масштабность этих мер, и в зависимости от этого меняется объем чистых выбросов от российской экономики, который ожидается к 2050 году и в последующие годы. Например, согласно второму по силе «интенсивному» сценарию предполагалось бы достижение углеродной нейтральности – то есть, чистых нулевых выбросов – к 2060 году (такую же цель провозгласил Китай), а по сильнейшему «агрессивному» сценарию достижение углеродной нейтральности предполагалось уже к середине века. Такую же или еще более жесткую цель поставили многие развитые страны и объединения, в частности, США и Европейский Союз.

Энергоемкость российского ВВП выше мирового уровня на 46%, уровня Канады – на 17%. При этом еще в 2008 году Президент Российской Федерации поставил цель снизить к 2020 году энергоемкость ВВП не менее чем на 40% от уровня 2007 года. К сожалению, энергоемкость снизилась лишь примерно на 12%

При этом в качестве основного сценария принимался не «интенсивный» или «агрессивный», а второй по силе – «базовый». Даже если учитывать выбросы/поглощение от землепользования и лесного хозяйства, этот сценарий не предполагал достижение углеродной нейтральности вообще; с учетом же этого сектора ее достижение было бы возможно только в следующем столетии. Скажу, что именно этот аспект – скорость перехода к низкоуглеродному развитию, нежели само признание необходимости такого перехода – вызывает наиболее острые споры. Моя личная позиция по этим сценариям заключается в том, что углеродную нейтральность необходимо обеспечить к 2060 году, но при этом стремиться к ее достижению к середине века, что, в свою очередь, во многом зависит от внешнеполитической конъюнктуры.

Это как раз подводит меня к вопросу о вызовах и возможностях. В числе одного из наиболее значимых вызовов в августовском проекте обозначается снижение спроса на

ископаемое топливо. С этим я согласен. Однако при всей правильности этой мысли августовский проект стратегии в части основного, «базового» сценария не предлагал достаточных мер для преодоления этого вызова. Равно как не предлагал он и мер, которые необходимы для задействования возможностей низкоуглеродного развития: в частности, создания благоприятных условий для появления новых конкурентоспособных отраслей экономики.

Как бы то ни было, проект стратегии – это живой документ, который в настоящее время перерабатывается и дополняется с учетом замечаний, представленных государственными органами и частным сектором. Надеюсь в ближайшее время увидеть новый проект, который позволит как ответить на вызовы, так и задействовать возможности низкоуглеродного развития, и обеспечит принятие мер, сопоставимых усилиям других стран по борьбе с изменением климата с учетом особенностей социально-экономического развития России.

НГВ: Каким вы видите энергопереход и в какой перспективе? Что следует делать в первую очередь в контексте энергоперехода и как это соотносится со стратегическими приоритетами «Энергостратегии-2035» и Доктриной энергетической безопасности?

Р. Эдельгериев: Как я уже отметил ранее, переход на низкоуглеродное развитие, который включает в качестве главного компонента энергетический переход, должен отвечать на вызовы и задействовать возможности грядущих десятилетий. Поскольку одним из вызовов – неоспоримых – является снижение спроса на ископаемое топливо, то переход должен осуществляться с учетом этого тренда. В ближне- и среднесрочной перспективе это может предполагать переход от менее энергоэффективных видов ископаемого топлива к более энергоэффективным, прежде всего к газу. Однако нужно понимать, что в более долгосрочной перспективе газу придется уступить место другим энергоносителям, хотя когда именно это произойдет – мне сказать сложно. Помимо этого, энергопереход, конечно, должен предполагать повышение энергоэффективности не только в самом ТЭК, но и в других отраслях. Важную роль в энергопереходе также должен сыграть водород. Это, к слову, вполне хорошо соотносится с приоритетами Энергетической стратегии до 2035 года. К этому сроку предполагается войти в число мировых лидеров по производству и экспорту водорода; к 2035 году экспорт планируется довести до показателя в 2 млн тонн ежегодно. Более полно водородный аспект энергоперехода раскрыт в недавно принятой Концепции развития водородной энергетики. Разумеется, значимую роль должны сыграть атомная и гидроэнергетика, а также возобновляемые источники энергии.

В целом, если посмотреть на приоритеты энергетической политики, обозначенные в Стратегии до 2035 года, то они сформулированы правильно. Но при этом Стратегия недооценивает скорость мировых тенденций, происходящих в сфере энергетике. В ней предполагается, например, что смена сложившегося ресурсно-сырьевого и технологического уклада произойдет лишь на рубеже 30-40-х годов, что едва ли отражает изменения последних лет.

НГВ: Как вы оцениваете существующую работу по снижению энергоемкости и углеродоемкости ВВП? На чем следует фокусироваться?

Р. Эдельгериев: Россия обладает значительным потенциалом по повышению энергоэффективности и снижению углеродоемкости экономики. Значительный успех был достигнут за последние годы по «декаплингу», то есть приросту ВВП при одновременном снижении выбросов парниковых газов. Так, за последние 20 лет объем ВВП страны значительно увеличился, а объем парниковых газов фактически стабилизировался.

Однако необходимо прикладывать дополнительные усилия. Сегодня энергоемкость ВВП Российской Федерации составляет около 0,23 тонн нефтяного эквивалента на тысячу долларов США [1]. Энергоемкость российского ВВП выше мирового уровня на 46%, уровня Канады – на 17%. При этом еще в 2008 году Президент Российской Федерации поставил цель снизить к 2020 году энергоемкость ВВП не менее чем на 40% от уровня 2007 года. К сожалению, энергоемкость снизилась лишь примерно на 12%.

В области ESG компании сами должны выработать для себя стандарты и лучшие практики – задача государства лишь создать для этого инструменты и обеспечить равные условия ведения бизнеса

Новые нормативно-правовые акты, включая план мероприятий по повышению энергоэффективности российской экономики, содержат конкретные направления действий, но его необходимо включить в более широкую программу действий. Если прошлый указ Президента РФ не был выполнен, и экономика не показала планируемого повышения энергоэффективности, то откуда такая уверенность, что в этот раз все наверняка получится? Необходимо не просто ставить цели, а представлять конкретные стратегии и вписывать их во все отраслевые планы.

НГВ: Какие виды топлив вы считаете «топливами будущего»?

Р. Эдельгериев: Прямо сейчас мы находимся в глобальном энергопереходе, в котором к источникам энергии предъявляются новые требования, о которых мы и не задумывались прежде. Повсеместная диджитализация и электрификация, распространение «интернета вещей», а также климатические соображения приведут к значительной реструктуризации существующих энергетических систем. Сегодня человечеству нужны низкоуглеродные источники энергии, такие как водород, газ и ВИЭ, для противодействия изменению климата. Чрезвычайно важно и России адаптироваться под меняющиеся требования рынка. Проводится активная работа по анализу новых экономических ниш в области энергетики.

НГВ: Государство, бизнес, НКО – кто, по вашему мнению, является основным драйвером осуществления энергоперехода и перехода к устойчивому развитию России?

Р. Эдельгериев: Драйвером в этой области на протяжении долгого времени в целом является государство, хотя, конечно, нельзя игнорировать тот факт, что и среди различных государственных ведомств позиция по вопросам «перехода» порой существенно отличается. Что же касается бизнеса, то, несмотря на то, что немалое количество российских компаний по крайней мере внешне стремится соответствовать мировым тенденциям, та позиция, которую представляют некоторые авторитетные бизнес-объединения (не будем называть), скорее тормозит переход нашей страны на рельсы низкоуглеродного развития, нежели способствует ему. НКО также вносят определенный, в целом положительный, вклад, однако роль государства все же является преобладающей.

НГВ: Следует ли формировать в РФ институт корпоративной социальной ответственности? Каким образом? Способна ли усилить ответственность бизнеса разработка государственных рекомендаций или требований по формированию ESG-стандартов? Готовятся ли они сейчас? Какие ориентиры могли бы быть задействованы в формировании этих стандартов?

Р. Эдельгериев: Бизнес всегда лучше понимает, какие технологии необходимо внедрять и практики оптимизировать для сокращения собственного влияния на окружающую среду. Я полагаю, что эти процессы происходят гораздо эффективнее, когда бизнес сам заинтересован во внедрении лучших корпоративных практик, а не когда ему их навязывает государство. В этом плане концепция внедрения ESG-стандартов на корпоративном уровне является хорошим подспорьем к административным методам.

Россия же, в свою очередь, в ближайшее время собирается запустить экспериментальную систему торговли выбросами в Сахалинской области. Причем некоторые другие регионы демонстрируют желание присоединиться к этому эксперименту

В России уже есть положительные практики корпоративной социальной ответственности, и компании уже начали их монетизировать. Отечественный бизнес активно включается в глобальный низкоуглеродный тренд, инвесторы начали рассматривать углеродный фактор при формировании собственного портфеля, а конечный потребитель становится более осознанным и выбирает экологичные альтернативы.

Однако соблюдение добровольных ESG-стандартов не должно подменять обязательные требования регулятора. Я бы также хотел призвать компании к честному и последовательному соблюдению норм законодательства и от-

г. Глазго, Шотландия

ответственному стремлению к низкоуглеродному развитию. Порой мы сталкиваемся с двуличием отдельных представителей российского бизнеса. В красивых отчетах об устойчивом развитии некоторые компании заявляют о собственной экологичности, а в последующем закидывают государственные органы письмами с абсолютным неприятием какого-либо государственного регулирования. Отчасти из-за этого мы так долго не могли принять федеральный закон об ограничении выбросов парниковых газов. Бизнесу необходимо находиться в диалоге с государством для выработки решений, которые бы служили на благо всему обществу.

При этом мне кажется, что в области ESG компании сами должны выработать для себя стандарты и лучшие практики – задача государства лишь создать для этого инструменты и обеспечить равные условия ведения бизнеса. Надеюсь, в ближайшее время будет финализирован федеральный закон о публичной нефинансовой отчетности и появится понятный и однообразный понятийный аппарат.

НГВ: Политика в области изменения климата каких стран вам кажется наиболее адекватной? Почему? Можно ли говорить о том, что сейчас Россия и ЕС сближаются в подходах ведения климатической политики? Станет ли учет национальных интересов важнее глобальной «зеленой» повестки в двусторонних/многосторонних отношениях?

Р. Эдельгериев: Крупных стран, чья климатическая политика полностью укладывалась бы в температурную цель Парижского соглашения, по всей видимости, нет. Однако есть малые страны, такие как Бутан и Суринам, которые уже заявляют о достижении углеродной нейтральности, главным образом за счет поглощения лесами.

По некоторым направлениям климатической политики мы действительно сближаемся с Европейским союзом. Например, в ЕС с 2005 года действует система торговли выбросами. Россия же, в свою очередь, в ближайшее время собирается запустить экспериментальную систему

торговли выбросами в Сахалинской области. Причем некоторые другие регионы демонстрируют желание присоединиться к этому эксперименту. Кроме того, на общероссийском уровне вводится система учета выбросов парниковых газов на корпоративном уровне, что в ЕС также существует уже давно в рамках упомянутой системы торговли выбросами.

Вместе с тем между нами сохраняются и определенные различия, касающиеся, прежде всего, роли атомной энергетики и лесов в предотвращении изменения климата.

Когда речь идет об общемировых проблемах, сложно провести четкую границу между национальными и глобальными интересами. Изменение климата ведь не обойдет Россию стороной: некоторые климатические параметры, например, температура приземного воздуха, меняются в нашей стране даже быстрее, чем в среднем по миру. Для российской Арктики это тем более справедливо, особенно учитывая, что это способствует таянию многолетней мерзлоты, а это, в свою очередь, приводит к масштабным разрушениям инфраструктуры. По мере дальнейшего потепления будет только хуже. И это только одно из многих негативных последствий изменения климата для России. Разве предотвращение таких последствий не в наших национальных интересах?

НГВ: Какие у вас ожидания от предстоящего климатического саммита ООН в Глазго? Будет ли Россия отстаивать в Глазго право каждой страны на «суверенный» энергопереход, когда государственная климатическая политика определяется не глобальной повесткой, навязанной извне, а спецификой национальной экономики?

Р. Эдельгериев: Прежде всего, конференция в Глазго должна решить ряд вопросов, унаследованных с предыдущей конференции в Мадриде в 2019 году. В числе основных: правила осуществления статьи 6 Парижского соглашения, посвященной рыночным и нерыночным подходам, общие временные сроки для определяемых на национальном уровне вкладов, обновленные правила представления отчетности, глобальная цель по адаптации. Кроме того, в этом году особенно бурно обсуждается вопрос о повышении «амбициозности» общемировых усилий по предотвращению изменения климата для удержания потепления в пределах 1,5°C. Наши ожидания вполне традиционны: мы рассчитываем на завершение работы по согласованию «правил игры» по Парижскому соглашению, что не удалось сделать в Мадриде.

Специфика нашей экономики заключается в довольно значимой доле атомной энергетики и гидроэнергетики. Весомую роль в энергопереходе мы также отводим газу и водороду. Об отказе от этого речь не идет. ❗

Список литературы

1. Министерство экономического развития Российской Федерации. Государственный доклад о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации. М.: 2019. С. 7. <https://www.economy.gov.ru/material/file/d81b29821e3d3f5a8929c84d808de81d/energyefficiency2019.pdf>

ИДЕАЛЬНОЕ ВРЕМЯ ТАКТА

- Высокая производительность линии — до 850 НКТ в сутки.
- Современная автоматизированная линия диагностики и ремонта НКТ.
- Быстрая переналадка при смене сортамента НКТ — не более 30 минут.

БЕЗУПРЕЧНОЕ КАЧЕСТВО РЕМОНТА

- Неразрушающий контроль тела трубы с определением координат дефектов одновременной работой 16 датчиков.
- Гидроиспытание в соответствии с ГОСТ 633-80 и требованиями Заказчика.
- 100% контроль прямолинейности труб высокоточными инструментами.

РАЗУМНАЯ КОМПАКТНОСТЬ

- Планировочное решение, позволяющее разместить полноценное производство на небольших площадях — 18x30 м.
- Организация рабочих мест, исключая непроизводительные перемещения НКТ при диагностике и ремонте.
- Применение широкого инструментария бережливого производства на каждом этапе технологической цепочки.

БЕРЕЖЛИВЫЙ ТЕХПРОЦЕСС

- Минимизировано количество технологических отходов ремонта НКТ за счет точного определения характера и места дефекта с одновременной регулировкой длины отрезаемых участков трубы.
- Оптимальное количество персонала — не более 7 человек в смену.
- Закрепление навыков персонала с минимальным числом итераций (коучинг, TWI).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ

Шефмонтаж оборудования:

- трубонарезных станков с числовым программным управлением;
- линии автоматизированной дефектоскопии;
- установки гидравлических испытаний;
- муфтовёрточных станков;
- любого дополнительного оборудования по первому требованию Заказчика.

ПРЕИМУЩЕСТВА

- Возможность проектирования и монтажа линии ПОД КЛЮЧ в рекордно короткие сроки.
- Гарантии на оборудование от производителей и дальнейшее сервисное сопровождение в течение 12 месяцев.
- Ноу-хау от производителя станут Вашими.
- Индивидуальный проект под Ваши площади.